

ЛОРЕНС БЛОК

ЛОРЕНС БЛОК
ПРОГУЛКА
СРЕДИ МОГИЛ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б 70

Серия «Кино»

Lawrence Block
A Walk Among the Tombstones

Перевод с английского *О.Г. Косовой*
Компьютерный дизайн *В.Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Блок, Лоренс.

Б 70 Прогулка среди могил : роман / Лоренс Блок; [пер. с англ.
О. Г. Косовой]. — Москва : АСТ, 2014. — 349[3] с.

ISBN 978-5-17-085458-5

Роман, собравший ряд престижных премий и положенный в основу сценария нового голливудского блокбастера с Лайамом Нисоном в главной роли!

Кто-то открыл охоту на жен, дочерей и подруг крупных наркодилеров. Незнакомец, требуя выкуп, прекрасно понимает, что этим преступникам куда проще заплатить, чем связываться с полицией.

Когда обожаемую жену одного из наркоторговцев жестоко убили, ее муж, мечтая о мести, нанимает опытного и циничного частного детектива и бывшего копа Мэтта Скаддера, который настолько хорошо знает мир нью-йоркского криминального подполья, что способен поймать даже самую хищную рыбу в самой мутной воде...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Lawrence Block, 2012

© Перевод. О.Г. Косова, 2014

© Tombstones Movie Holdings, LLC, 2014

ISBN 978-5-17-085458-5 © Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Посвящается Линн

*Баю-баю, крошка, тише,
Баю-бай, усни, малыш:
Бонапарт тебя услышит —
От него не убежишь.*

*Кто ленив и непослушен, —
Тех кошмарный людоед
Жрет на завтрак, жрет на ужин,
Баю-бай — и на обед.*

*У него в багровой пасти
Больше вилки каждый зуб.
Разорвет тебя на части,
Баю-баю, хруп-хруп-хруп.*

*Схватит желтыми зубами
И утащит во лесок —
Не оставит бедной маме
И мизинчика кусок.*

*Спи, малютка мой писклявый,
Ну, чего ты так орешь! —
Бонапарт придет кровавый —
От него не удерешь!**

* Английская колыбельная. Перевод И. Дугиной.

Глава 1

В последний четверг марта, где-то между десятью тридцатью и одиннадцатью часами утра Франсин Кури сообщила мужу, что отправляется по магазинам.

— Возьми мою машину, — предложил ей супруг. — Я никуда не собираюсь.

— Нет, она слишком большая. Каждый раз, когда на ней еду, мне кажется, что веду крейсер.

— Ну как хочешь.

Обе машины — его «бьюик-парк-авеню» и ее «тойота-камри» — стояли в гараже за домом. Сам дом, выстроенный в псевдотюдоровском стиле и облицованный деревом, находился на Колониал-роуд между Семьдесят восьмой и Семьдесят девятой улицами в квартале Бэй-Ридж Бруклина. Франсин завела «тойоту», выехала из гаража и, закрыв его, вырулила на улицу. На первом же перекрестке, остановившись на красный сигнал светофора, она вставила в магнитолау кассету с классической музыкой. Бетховен, один из поздних квартетов. Дома она в основном слушала джаз, поскольку Кенан предпочитал именно его, но за рулем всегда включала классическую камерную музыку.

Франсин была привлекательной женщиной: рост сто семьдесят сантиметров, вес около пятидесяти двух килограммов, полногрудая, с тонкой талией и округлыми бедрами. Темные волосы, блестящие и вьющиеся, зачесаны назад, открывая лоб. Глаза карие, нос чуть вздернут. Полные, хорошо очерченные губы.

На фотографиях именно рот больше всего привлекал внимание. Насколько я понял, у нее были широкие верхние резцы и неправильный прикус и именно из-за этих незначительных дефектов она не очень широко улыбалась. На свадебной фотографии Франсин сияет и светится от счастья, но улыбается, сомкнув губы.

Смуглокожая, она быстро и ровно загорала. У нее уже был летний загар, поскольку последнюю неделю февраля они с Кенаном провели в Негриле на Ямайке. Франсин загорела бы еще сильнее, но Кенан заставил ее прятаться под тентом, чтобы ограничить пребывание на солнце.

— Тебе это совсем не нужно, — сказал он. — Слишком темная кожа — некрасиво. Именно солнце превращает сливу в чернослив.

Она немедленно поинтересовалась, что такого особенно хорошего в сливах.

— Они гладкие и сочные, — охотно пояснил он.

Франсин проехала полквартала от дома и подъезжала к перекрестку Семьдесят восьмой и Колониал, когда водитель синего фургона завел мотор. Дав ей проехать еще полквартала, он выехал с парковки и двинулся за ней следом.

Она свернула направо на Бэй-Ридж-авеню, затем налево на Четвертой авеню и двинулась в северном направлении. Возле «Д'Агостино», на углу Шестьдесят седьмой улицы, она затормозила и поставила «тойоту» на свободном местечке чуть дальше магазина.

Синий фургон проехал мимо, объехал вокруг и встал возле пожарного гидранта прямо напротив супермаркета.

Когда Франсин Кури покинула свой дом, я все еще завтракал.

Прошлой ночью я довольно поздно лег. Мы с Элейн поужинали в одном из индийских ресторанчиков на Восточной Шестой улице, затем посмотрели возобновленную постановку «Мамаши Кураж» в театре «Паблик» на Ла-

файетт. Места оказались не очень хорошими, и некоторых актеров было практически не слышно. Мы бы ушли в антракте, но один из исполнителей был любовником соседки Элейн, и мы хотели после постановки пройти за кулисы и похвалить его за великолепную игру. Затем мы пошли вместе с ним выпить пару рюмок в соседний бар, оказавшийся набитым битком по какой-то совершенно непонятной причине.

— Просто класс! — сообщил я Элейн, когда мы наконец выбрались из этого заведения. — В течение трех часов я не слышал его из зала и еще час не слышал, сидя через стол. Да у него вообще голос-то есть?

— Пьеса шла вовсе не три часа. Ну может, два с половиной.

— А такое впечатление, что три.

— Такое впечатление, что пять, — буркнула она. — Поехали домой.

Мы двинулись к ней. Элейн приготовила кофе мне и чай себе, и мы еще полчаса посмотрели Си-эн-эн, обсуждая новости. Потом отправились в постель, а через час или около того я встал, оделся в темноте и уже почти вышел из спальни, когда она поинтересовалась, куда я направляюсь.

— Прости, не хотел тебя будить.

— Ерунда. Ты что, заснуть не можешь?

— Вроде того. Мне что-то нейдет. Не пойму почему.

— Тогда почитай в гостиной. Или включи телик, мне он не помешает.

— Нет, — отказался я. — Что-то я слишком взвинчен. Небольшая прогулка по городу пойдет мне на пользу.

Элейн живет на Пятьдесят пятой, между Первой и Второй, а мой отель «Норсвестерн» расположен на Пятьдесят седьмой, между Восьмой и Девятой. На улице оказалось довольно зябко, и я подумал было взять такси, но, пройдя примерно квартал, перестал ощущать холод.

Остановившись на красный свет, я ухитрился разглядеть между двумя башнями луну. Было почти полнолуние, чему я несколько не удивился, ведь все признаки налицо: некое ощущение беспокойства, чувство дискомфорта. Мне хотелось что-то предпринять, только вот непонятно что именно.

Если бы Мик Баллу находился в городе, я мог бы направиться к нему в паб. Но Мик уехал из страны, да и, судя по и без того взвинченному состоянию, паб не самое подходящее для меня место. Поэтому я отправился напрямик домой, немного почитал и где-то около четырех часов выключил лампу и уснул.

В десять утра я находился за углом, в «Пламени». Съел легкий завтрак и прочитал газету, главным образом криминальную хронику и о спорте. Именно в этих областях общества кризис, поэтому я не очень уделяю внимание прочим новостям. Национальные и международные проблемы, возможно, заинтересуют меня, только когда гром грянет. А так все это кажется мне настолько далеким, что мои мозги решительно не желают этого воспринимать.

Времени у меня было навалом, чтобы прочитать все, включая и различные объявления. На прошлой неделе я три дня работал на «Надежность», крупное детективное агентство, имеющее офис во «Флэтайрон-билдинге», но больше пока у них для меня ничего не было, а по собственным наводкам я работал в последний раз сто лет назад. С деньгами у меня все в порядке, поэтому работать не обязательно, а с времяпрепровождением отродясь проблем не возникало, но сейчас я с удовольствием занялся бы каким-нибудь делом.

Беспокойство, охватившее меня прошлой ночью, не исчезло с заходом луны. Оно сохранялось. Эдакая лихорадка в крови, некий подкожный зуд там, куда невозможно дотянуться, чтобы почесать.

* * *

Франсин Кури провела в «Д'Агостино» примерно полчаса, покупая продукты, за которые она заплатила наличными. Мальчик-носильщик сложил три пакета с покупками в тележку и покатил за ней следом из магазина вниз по улице к ее машине.

Синий фургон по-прежнему стоял возле гидранта. Задние двери фургона были открыты, и двое мужчин, вылезших из него, стояли рядом на тротуаре, будто рассматривая приборную панель, которую один из них держал в руках. Когда Франсин прошла мимо них в сопровождении мальчика, они проводили ее взглядом. К тому моменту, когда она открыла багажник «тойоты», мужчины уже находились внутри фургона и дверцы грузовичка были закрыты.

Мальчик сложил пакеты в багажник. Франсин дала ему два доллара, что вдвое превышало обычные чаевые, не говоря уже о том удивительно высоком проценте покупателей, которые не давали ему и вовсе ничего. Кенан приучил ее не скупиться на чаевые, не чрезмерные, но достаточно щедрые.

— Мы всегда можем позволить себе быть щедрыми, — поучал он ее.

Мальчик покатил тележку обратно в магазин. Франсин села за руль, завела мотор и двинулась дальше по Четвертой авеню.

Синий фургон ехал следом, держась на полквартала сзади.

Не знаю, каким именно маршрутом Франсин доехала от «Д'Агостино» до магазина импортных продуктов на Атлантик-авеню. Она могла ехать все время по Четвертой авеню, а могла и по скоростному шоссе «Гованус» в Южном Бруклине. Узнать этого невозможно, да это и не имеет значения. Так или иначе, она доехала до угла Атлантик-авеню и Клинтон-стрит. Там, на юго-западном углу, есть

сирийский ресторан под названием «Алеппо», а рядом с ним — продовольственный магазин, именуемый «Арабский гурман». (Франсин никогда его так не называла. Как и большинство постоянных покупателей, она говорила «У Аюба». Так звали бывшего владельца, который продал заведение и переехал в Сан-Диего десять лет назад.)

Франсин поставила машину на парковке с северной стороны Атлантик, почти что напротив «Арабского гурмана», дошла до перехода, дождалась зеленого света и перешла улицу. Когда она входила в двери магазина, синий фургон встал в загрузочной зоне напротив ресторана «Алеппо», рядом со входом в «Арабский гурман».

В магазине она пробыла недолго, покупая кое-какую мелочь, поэтому обошлась без тележки и помощи мальчика-носильщика. Она вышла из магазина приблизительно в 12.20. На ней было короткое пальто из верблюжьей шерсти, темно-серые слаксы и два свитера — бежевый кардиган и шоколадного цвета свитер с высоким круглым воротником. На плече висела сумочка, в одной руке был пакет с покупками, в другой — ключи от машины.

Задние дверцы синего фургона были открыты, и двое мужчин, ранее вылезших оттуда, снова стояли на тротуаре. Когда Франсин вышла из магазина, они двинулись вперед и встали от нее по обе стороны. И в этот же момент третий мужчина, водитель фургона, завел двигатель.

— Миссис Кури? — окликнул ее один из мужчин.

Она обернулась, он быстро открыл и закрыл какое-то удостоверение, так, что она не успела рассмотреть жетон.

— Вам придется пройти с нами, — сказал второй мужчина.

— Кто вы? — спросила она. — В чем дело? Что вам нужно?

Тогда они взяли ее под руки и, прежде чем она успела что-либо сообразить, протащили вперед, затолкали в от-

крытый фургон и, мгновенно запрыгнув внутрь следом за ней, закрыли дверцы, рванув с места.

Несмотря на то что был разгар дня и похищение произошло на загруженной торговой улице, едва ли кто сумел понять, что произошло. А немногие свидетели вряд ли поняли, что именно они видят. Все произошло очень быстро.

Если бы Франсин отшатнулась и закричала, как только они к ней подошли...

Но она этого не сделала. Прежде чем женщина успела среагировать, ее уже затолкали в фургон и дверцы закрылись. Там она, должно быть, и кричала, и пыталась сопротивляться, но было уже поздно.

Я точно знаю, где находился в тот момент, когда ее похитили. Я пошел на полуденную встречу группы «Файрсайд», которая происходила ежедневно с 12.30 до 13.30 в заведении под названием «У» на Западной Шестидесят третьей улице. Я пришел туда рано, поэтому почти наверняка распивал кофе, когда эта парочка тащила Франсин по тротуару и запихивала в фургон.

Подробностей встречи я не помню. Уже на протяжении нескольких лет я на удивление регулярно посещаю сборища «Общества анонимных алкоголиков». Конечно, не так часто, как тогда, когда впервые решил бросить пить, но по-прежнему появляюсь там в среднем раз пять в неделю. Эта встреча проходила по обычной схеме, когда один или одна из присутствовавших рассказывает о себе в течение минут пятнадцати — двадцати, а затем еще час идет общая дискуссия. Я, кажется, в дискуссии участия не принимал. Наверняка во время ее проведения рассказывали интересные и довольно смешные истории. Так всегда бывает. Но подробностей не помню.

После встречи я где-то пообедал, а потом позвонил Элейн. У нее сработал автоответчик. Значит, ее либо нет

дома, либо она не одна. Элейн — девушка по вызову и этим зарабатывает себе на жизнь.

Я повстречал Элейн в прошлой жизни, когда был еще сильно пьющим полицейским с новеньким жетоном в кармане, обремененным женой с двумя детьми, и жил на Лонг-Айленде. Пару лет мы с ней поддерживали дружеские отношения, выгодные для обеих сторон. Я был ее другом и помогал ей выпутываться из разных историй. Однажды она даже вызвала меня, чтобы оттащить клиента, умершего в ее постели, на пустынную аллею соседнего округа. А она оказалась прекрасной любовницей, красивой, блестящей, забавной, высокопрофессиональной, и при этом столь милой и нетребовательной, какой может быть только шлюха. Ну, что еще нужно для счастья?

Когда я оставил дом, работу и семью, мы с Элейн практически потеряли друг друга из виду, пока из нашего с ней совместного прошлого не возникло нечто, угрожавшее нам обоим. Тогда обстоятельства вновь свели нас, и, что удивительно, мы так и остались вместе.

У нее была своя квартира, а я жил в гостинице. Два, три или четыре вечера в неделю мы встречались, и эти встречи, как правило, заканчивались у нее дома, где я и оставался до утра за редким исключением. Иногда мы с ней уезжали на выходные или на недельку из города, а в те дни, когда не виделись, разговаривали по телефону. И периодически даже не по одному разу.

Хоть мы и не договаривались, что не будем встречаться с кем-то другим, но именно так и получилось. Я не встречался с другими женщинами, а она — с другими мужчинами, кроме клиентов, естественно. Периодически Элейн отправлялась в гостиничный номер или принимала клиента дома. На заре наших отношений меня это совершенно не волновало. На самом деле, если уж быть откровенным, в частности, в этом и заключалась ее притя-

гательность, и я не видел оснований, почему должен пересматривать свои взгляды сейчас.

Если бы меня не устраивал род ее деятельности, я всегда мог попросить ее завязать. За годы своей карьеры она заработала неплохие деньги, большую часть которых сумела сохранить и даже приумножить, выгодно вложив в недвижимость. Так что Элейн вполне могла покончить со своим занятием, и это никак не отразилось бы на качестве ее жизни.

Но что-то удерживало меня от такой просьбы. Думаю, мне не хотелось признаваться себе самому, да и ей тоже, что мне отнюдь не все равно. И еще больше я не хотел предпринимать что-то такое, что могло бы испортить взаимоотношения, сложившиеся между нами. Я не хотел ни разрывать их, ни укреплять.

Однако все в жизни меняется. Иначе и быть не может. Любые взаимоотношения портятся именно от того, что они неизменны.

Мы с Элейн избегали слов любви, хотя то чувство, которое испытывал к ней я, а она — ко мне, было именно любовью. Мы также избегали говорить о возможности женитьбы или совместном проживании, хотя я неоднократно думал об этом и уверен, что и она тоже. Брак, пожалуй, единственное, чего мы никогда не обсуждали, за исключением разговоров о любви и роде деятельности Элейн.

Конечно, рано или поздно нам придется подумать над этими проблемами и обсудить их. И даже решить каким-то образом. Однако пока мы не заглядывали вперед, а жили одним днем, как я привык жить с тех пор, как перестал пытаться выпить виски быстрее, чем его нальют в стакан. Кто-то умный сказал, что можно прожить жизнь, живя одним днем. В конце концов именно так и устроен мир.